

Из Курска с любовью

Владимир Маторин о Свиридове,
о конкурсе, о себе.

Георгий СВИРИДОВ

На последнюю декаду апреля в Курске пришёлся VI Международный конкурс камерного пения имени Георгия Свиридова – наиболее значимое событие в культурной жизни соловьиного края. Одно из свидетельств его уровня и престижности – состав жюри конкурса, которое на этот раз было, без преувеличения, звёздным. Среди его членов Владимир Маторин – Народный артист России, оперный певец, педагог, профессор, солист Большого театра, один из лучших исполнителей партии Бориса Годунова...

Разговор с ним мы начали с того необычного эпизода у памятника Георгию Васильевичу, когда он вовсе не на камеру, не для постановочного фото, а, как это было видно, совершенно естественно коленопреклонённо поцеловал ботинок каменного постамента. И потому наш первый вопрос был предопределён:

– Владимир Анатольевич, какое внутреннее состояние способствовало Вашему порыву? Как его описать?

– Оно накапливалось годами, потому что со студенческих лет я исполнял романсы Свиридова – и уже в зрелые годы в Большом театре пел целиком концерт его музыки. Мне очень нравится Свиридов, а судя по его книге «Музыка как судьба», чувствуется огромный масштаб личности, величаявая простота, многогранность – в нём есть всё.

К сожалению, я не был с ним близко знаком, только один раз мы поручкались, и он сказал, что меня любит. Да и не могло быть иначе, потому как в то время, на которое приходится мой творческий пик, к нему подступиться было нельзя: его окружали живые классики – Ведерников, Архипова, Нестеренко, Образцова, появился ещё Дима Хворостовский...

Что же до моего порыва, то могу сказать, что он был абсолютно искренним, поскольку мне весьма по душе памятник. В нём есть образ Свиридова, запечатлен его дух, что подчёркивается гениальной надписью: «Воспеть Русь, где Господь дал и велел мне жить, радоваться и мучиться». Это как эпиграф ко всей России – и сладостно, и больно одновременно. И здесь, на конкурсе его имени, меня не покидает чувство, что Свиридов присутствует незримо – и ему всё это нравится.

– Как же происходило Ваше знакомство с музыкой Свиридова, общение к ней?

– Точно сегодня не вспомнишь – не вернешься на полвека назад. При подготовке к конкурсу, экзамену и зачету нужно было обязательно петь произведения советских композиторов. Первое, к чему я обратился, это его пушкинский цикл: «Роняет лес багряный свой убор», «Подъезжая

под Ижору»... А потом в 1970 году на конкурсе имени П.И. Чайковского Нестеренко пел один из любимых моих романсов на стихи Бернса «Всю землю тьмой заволокло» – и мне показалось, что содержащийся там рефрен «ещё вина, ещё вина» являет собой не столько состояние пьяного угара, сколько выпад в адрес властей, причём неизбежную константу для всех времён: «Богатым – праздник целый год. В труде, в нужде живет народ».

И я начал набирать нужное количество произведений – «Робин», «Финдлей», потом сподобился в одном отделении целиком спеть Пушкина, а во втором – Бернса – это в Бетховенском зале Большого театра. Не знаю, как публика (во всяком случае, не побили), но лично я получил огромное удовольствие. В музыке Свиридова есть масштаб и разнохарактерность, которая мне всегда нравилась как исполнителю. У него есть и комическое – «Как яблочко румян» на стихи Беранже, и трагическое, и созерцательное – на любой вкус.

– Вот на этот момент я как раз и обратил внимание на концерте открытия: где рядом с минорным, лирическим «Петербургским циклом» на стихи Блока соседствовали ваши номера – буффонада из Бернса и Беранже – нечто диаметрально противоположное.

– Да, я выбрал именно комическое – и неспроста. Дело в том, что на открытиях принято, как правило, тянуть kota за хвост. И нужно было найти что-нибудь, что смогло бы это действо немножко вспенить. Это вообще свойственно моей натуре...

– Каковы ваши впечатления от конкурса?

– В целом хорошие, и прежде всего, от доброжелательности жюри. Организация на высоте – были мелочи, но мы их исправили. Зал хорош в